

АННА
ПАТМАНОВА

ФРЕЙКИ и

РОК-Н-РОЛ

18+

Анна Ратманова

Фейки и рок-н-ролл

«Автор»

2026

Ратманова А.

Фейки и рок-н-ролл / А. Ратманова — «Автор», 2026

В последний раз я видела его на сцене. Под проливным дождём, сквозь море поднятых рук. Он пел, а мне было семнадцать, и я всерьёз верила, что некоторые песни способны спасти человеку жизнь. Спустя годы моя мечта познакомиться с ним исполнилась самым издевательским образом...Глеб Воронцов больше не даёт концертов и не пишет песен. Ненавидит камеры и людей, которые задают лишние вопросы. ОСОБЕННО МЕНЯ, превратившую его убежище в проходной двор со съёмочной техникой, чужими голосами и искусственным светом. Ему нужно, чтобы я исчезла из его дома. Мне нужно спасти свою компанию и не позволить бывшему отнять всё, ради чего я работала. Но по ночам сквозь стены старой усадьбы слышны самые неожиданные вещи. Иногда — чужие разговоры. Иногда — то, о чём мы оба предпочли бы молчать. А однажды там снова начинает звучать музыка.

© Ратманова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Случайный эфир	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анна Ратманова

Фейки и рок-н-ролл

Глава 1. Случайный эфир

*Реклама — это искусство задержать
работу человеческого разума ровно
настолько, чтобы успеть получить с
него деньги*

Стивен Ликок

В Белой спальне подмосковной усадьбы Кочубеев солнце этим вечером работало от розетки. От его ровного, неподвижного тепла, пахнувшего калёным металлом и нагретой пылью, у меня разболелась голова.

Я стояла у режиссёрского монитора, не выпуская из ладони телефон. На экране, под синим логотипом банковского приложения, бодро крутилось колесико загрузки. Секунда, другая, третья. «Запрос обрабатывается». Система зависла с той ленивой жестокостью, с которой сытый банк обычно сообщает о скорой финансовой кончине твоего бизнеса. На балансе «Аура Групп» оставались крохи. Их едва хватало на то, чтобы оплатить аренду усадьбы. Сорвись хотя бы один проект из осеннего съемочного пула — и кредиторы просто закатают нас в бетон судебными исками.

– Костя, ради бога, сбавь темп, – сказала я в рацию, стараясь не выдать дыханием дрожь. – У тебя в кадре не ураган в промзоне, а утро топового блогера. Качни ветку аккуратнее.

За высокими, забранными в старый свинец окнами хмурый Костя, стоя на террасе, покорно перехватил массивный тополиный сук перед киловаттным прожектором. Плотный световой столб качнулся, и по стенам Белой спальни поползли глубокие, сонные тени майского полудня.

Настоящий май кончился полгода назад. На дворе стоял сырой глухой ноябрь, стрелки часов перевалили за половину восьмого вечера, а за границей нашего искусственного лета давно стусилась фиолетовая подмосковная темнота. Восемь взрослых людей прямо сейчас производили гляцевую иллюзию, снимая спонсорский выпуск авторского шоу Кристины Голд «Мое идеальное утро».

Чуть левее от меня ассистент реквизитора с ожесточением обдувал тяжелые льняные простыни строительным феном. Это был особый, извращённый ад: сначала дорогой итальянский лен выглаживали до состояния зеркала, а потом вручную формировали у изножья кровати, имитируя «дорогую небрежность». Чуть пережмёшь, и в кадре покажется банальная бытовая помятость. Недожмёшь – выйдет казённый гостиничный номер.

– Мои хорошие, я не могу транслировать поток, пока у меня в поле зрения этот жуткий пафос, – раздался с кровати мягкий и неторопливый голос Кристины. Она лежала в шелковом халате цвета шампанского, и ткань мягко собиралась вокруг бедер и локтей, ловя теплый свет. Волосы рассыпались по подушке так естественно, будто она проснулась именно в эту минуту. Я-то знала, сколько времени стилист добивался этой естественности и сколько лака теперь держало каждый якобы случайный локон на своем месте.

Кристине было тридцать два, но её многомиллионная аудитория свято верила в её «вечную весну» и способность притягивать миллиарды через правильную чистку внутренних ресурсов. Я засунула телефон в карман и шагнула на съемочную площадку.

– Что не так, Крис?

Она изящно двинула подбородком в сторону серебряного подноса, который реквизиторы выставили у её ног.

– Этот фарфоровый чайник! Просто дешевый прогрев на богатом. Яночка, забей, это старый сценарий. Подписчики этот фальшивый вайб за секунду считают. Оставь просто стакан теплой воды с лимоном.

Наш реквизитор за моей спиной судорожно вдохнул, готовый высказать всё, что он думает об аристократах духа, но я остановила его коротким движением ладони.

– Чайник убираем. Вода с лимоном визуально чище. Меньше шума, больше воздуха в кадре.

Фарфор утащили. Кристина благодарно прикрыла веки, возвращаясь в образ только что проснувшейся богини. При всей этой коучинговой шелухе, у неё была пугающая житейская хватка. Она безупречно просчитывала аппетиты своих подписчиков. Эпоха вульгарного глянца и выставленного напоказ изобилия прошла, ей на смену пришёл тренд на тихий премиальный минимализм, за который люди были готовы платить втрое больше. И эта старая усадьба – с её широкими каменными лестницами, прохладой залов и патиной на зеркалах – подходила идеально. Этой осенью она была моим спасательным кругом.

«Нельзя бесконечно тащить весь продакшн на собственном упрямстве. Однажды твой запас прочности просто иссякнет, а твой Антон заберет компанию за бесценок», – вспомнились мне вчерашние слова Кристины. Легко рассуждать о запасе прочности, когда твой рекламный контракт стоит как три моих съёмочных пула.

Я вернулась к режиссерскому монитору. В углу спальни, на высоком штативе, сиротливо замер рабочий айфон. Наш сммщик Рома должен был писать на него бэкстейдж, но сам Рома пять минут назад ушёл на кухню колдовать над безлактозным латте для Кристины. Экран телефона был тёмным.

– Внимание, приготовились к дублю! – скомандовал режиссер. Кристина лениво потянулась, за окном замер с веткой Костя, как вдруг мой собственный телефон в кармане мелко и непрерывно завибрировал. Следом пискнул аппарат у режиссера. Потом – у звуковика. Я вытащила трубку. На экране горело системное уведомление: «Кристина. Осознанность запустил(а) прямой эфир».

– Что за чертовщина?.. – пробормотала я, переводя взгляд на кровать. Кристина лежала в кадре, вытянув руки над головой. Её личный мобильный лежал на тумбочке в трёх метрах от неё. Я резко обернулась к штативу в углу спальни. Дисплей айфона горел ярко-красным. Белые строчки комментариев летели вверх с такой скоростью, что сливались в сплошную полосу, а снизу поднималась лавина розовых сердечек.

Эфир шёл.

Прямо сейчас.

На всю многомиллионную армию подписчиков.

Камера, выставленная на широкий угол, безжалостно транслировала всю изнанку нашего люкса. Весь мир видел фиолетовую ноябрьскую ночь, бьющий в стекло прожектор, Костю в открытом окне, который от неожиданности застыл с тополиным суком в позе испуганного оленя, и ассистента со строительным феном, замершего у изножья кровати. Первой опомнилась Кристина. Она скосила глаза на штатив, и на одну долю секунды её благостное выражение лица полностью исчезло. Я обомлела: на меня из кадра посмотрела женщина с железной волей и стальным взглядом Юлия Цезаря, за секунду до того, как он перешёл Рубикон и понял, что мосты сожжены. Маска вернулась мгновенно.

Кристина чуть развернула плечо к объективу для идеального ракурса и томно произнесла:

– Ну что, мои хорошие, вы ведь не думали, что моё утро начнётся без сюрпризов?

Я подлетела к штативу, пальцы скользили по пластику. Первым импульсом было вырубить это к чертям, удалить, спрятать. Но счетчик зрителей наматывал круги: тысяча, две, пять... Охват взлетал ракетой. Злость на того, кто пробрался на площадку, обожгла горло, но мозг сработал быстрее паники. Да, это был неуправляемый форс мажор, ломающий все договоренности с брендом, который рекламировала Кристина. Но если действовать быстро, эту катастрофу еще можно было выкрутить в нашу пользу. Я опустила глаза на экран, читая летящий чат:

«У меня эфир лагает или так и должно быть?»

«Скриньте чат»

«Верните человека с веткой в кадр! Я теперь слежу только за его карьерой»

«18.27 Ахахахахаха!! Идеальное утро!».

Я дождалась, пока Кристина выдаст красивый экспромт про то, что «правда – это новая роскошь», и только тогда жестко рубанула трансляцию. В спальне повисла мертвая тишина.

– Кто это сделал? – я обернулась к группе. Голос вибрировал. – Рома! Ты оставил телефон на трансляции?

Прибежавший со стаканом латте ассистент побледнел:

– Яна Игоревна, клянусь, он был заблокирован! Там же пароль!

– На трансляцию свайпом можно выйти без пароля, – хмуро бросил оператор Денис, отрываясь от окуляра. – Из наших никого рядом не было. Кто-то зашел со стороны коридора, ткнул в экран и ушел.

– Разберемся позже, – отрезала я, хотя внутри всё кипело от ощущения чужого, наглого вмешательства. – Собираем свет, перебазировемся в галерею.

Спустя сорок минут мы заканчивали выставлять кадр в длинной перекрестной галерее, соединяющей парадную анфиладу с закрытым крылом. Съёмочная группа, привычная к ненормированному графику, работала слаженно, предвкушая возвращение домой после рабочего дня. Я контролировала процесс через плейбэк, на который в реальном времени транслировалась картинка с камеры Дениса.

Кадр вдруг резко сменился. Вместо тёплого, вылизанного ассистентами интерьера в мониторе вспыхнула глухая серость. Оператор заигрался в Тарковского. Ведя камеру на гидравлическом кране, Денис медленно пятился затылком вперед, выстраивая сложный пролёт и совершенно не заметил, что пересёк границу галереи и вывалился прямо в закрытое западное крыло.

Эта часть усадьбы сдавалась отдельно, как жилая зона. По договору там находился другой собственник, и любые съёмки, как и присутствие нашей команды были исключены. Но в плейбэке уже вовсю ползла облупившаяся лепнина чужого коридора, покрытая слоем вековой пыли.

Я бросила рацию на стол и пошла доставать Дениса из чужого пространства, на ходу застёгивая молнию на худи. Отрезать увлекшегося оператора от запретной зоны до того, как он успеет расколотить что-нибудь ценное, — моя базовая рабочая обязанность.

Дверь в коридор западного крыла была приоткрыта. За ней пахло сухим старым деревом и тем специфическим ледяным покоем, который бывает только в домах, где давно никто никого не ждет. Денис стоял спиной ко мне, вскинув тяжелую камеру на плечо.

– Дэн, заверни кран назад, – тихо, но жестко сказала я ему в спину. – Мы здесь не снимаем. Давай назад.

Он не успел. В конце коридора, где анфилада уходила в полнейшую темноту, скрипнула половица.

Этот звук не был кинематографичным. Он был сухим, коротким и очень настоящим. Мрак за порогом галереи шевельнулся, неохотно выпуская чужака из своих глубин. Шаг, ещё один — и из темноты, заполняя собой всё пространство перед объективом оператора,

вышел человек. Мой мозг, только что подбиравший варианты оправдания для нашего вторжения, мгновенно заблокировал все мыслительные процессы. На периферии сознания ещё мигал монитор плеейбэка, но я уже не видела цифр. Внутри воцарилась противоестественная, звенящая тишина – наверное так бывает, когда на полной скорости понимаешь, что тормоза отказали.

Человек передо мной был безошибочно узнаваем, хотя время обошлось с ним без всякого почтения к его былому величию. Глянец старых журнальных обложек, которые я когда-то бережно разглаживала утюгом через марлю, осыпался. Мужчина перед нами был слишком худым, угловатым, с резкими, словно наспех вытесанными топором скулами и тяжелым, колючим взглядом. В его небрежно отросших темных волосах тускло, как соль, поблескивали первые жесткие нити седины, а трикотажный кардиган выглядел так, будто всё лето провисел на бельевой веревке.

Но это был он. Глеб Воронцов, бессменный фронтмен одной из самых популярных рок-групп нулевых. На долю секунды я снова стала семнадцатилетней девчонкой, которая стояла в фан-зоне под проливным дождём, срывая голос под аккорды его гитары. Я знала каждую его интонацию. Его песни когда-то были убежищем от реальности и заполняли весь мой мир... Ирония судьбы заключалась в том, что сейчас этот мир сжался до размеров запыленного подмосковного коридора.

Глеб остановился в трех шагах. На его лице не было ни удивления, ни злости. Только глухая, безразличная усталость хозяина, обнаружившего в кровати постельных клопов. Он мельком мазнул взглядом по моему лицу, безошибочно зафиксировав секундную заминку – эту глупую фанатскую судорогу, которую я не успела спрятать. На его губах тут же проступила тонкая, злая складка. Он явно решил, что я – очередная запоздалая сталкерша, нашедшая его по старому геотегу.

А потом его взгляд упал на плечо Дениса. Туда, где на корпусе нашей арендованной камеры Сооке тускло и ритмично пульсировал маленький красный огонек записи.

И вся его ленивая безразличность исчезла.

Это произошло так быстро, что мозг не успел обработать команду опасности. Глеб изменился в лице, став похожим на затравленного, но смертельно опасного зверя, которому в глаза направили ружейный фонарь. Короткий, хищный выпад вперед – без замаха, без предупреждения. Его длинные пальцы намертво, до белых суставов, вцепились в обвесы камеры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.